

Ф. К. Ярмолич

**ВОСТОЧНЫЙ СОСЕД И «ВЕЧНАЯ» УГРОЗА ФИННАМ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ ТИМО ВИХАВАЙНЕНА
«СТОЛЕТИЯ СОСЕДСТВА: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ФИНСКО-РУССКОЙ ГРАНИЦЕ»
(перевод А. И. Рупасова. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.)**

Познание себя составляет неотъемлемую часть каждой культуры. Безусловно, этот процесс требует от познающего колоссального психологического напряжения, интеллектуальной концентрации и, быть может, уединения. Иногда витиеватый путь самопознания, выработки ценностных и морально-нравственных норм был бы несколько облегчен при обращении своего взора на окружающих нас людей и народов. Являясь уникальными, мы в то же время обладаем чертами, которые характерны для любого человека, каждого народа, и эта глубинная общность позволяет нам, несмотря на все социальные катаклизмы, сосуществовать уже неисчислимое количество лет. В коллективном сознании каждого народа существуют такие понятия, как любовь, верность, дружба, злоба, ненависть и т.д. Другое дело, что содержание этих и других базовых качеств имеет свою исторически обусловленную вариативность. Но сам факт присутствия их в культуре любого народа, несмотря даже на разницу в содержании, позволяет находить основу для диалога. У народов, к которым можно применить термин «соседи», различие в раскрытии базовых культурных понятий, быть может, меньше, да и самих общих понятий больше, чем у этносов, не соприкасающихся друг с другом. В силу этого в процессе самопознания иногда полезно понять, что представляет собой сосед, приподняться на цыпочки и попытаться посмотреть на себя через его культурный код.

В этом ключе интерес представляет книга финского профессора Тимо Вихавайнена, которая посвящена российскому и финскому народам, а вер-

нее, многовековой истории соседства. В ней затрагивается немало интересных (если не щекотливых) вопросов. Все они сами по себе требуют отдельных и весьма увесистых монографических исследований, в которых необходимо соблюсти все традиции научного жанра, но автор отошел от монографического стиля и представил свою точку зрения в виде свободных рассуждений.

Выбор данного формата позволил Тимо Вихавайнену приподняться над эмпирикой, выйти на уровень глубокого осмысления. Безусловно, при таком подходе возможны некоторые неточности в фактической стороне, но цель его книги не заключается во введении в научный оборот новых фактических данных, разборе неточностей эмпирического материала. Цель ее — именно в осмыслении различных сторон истории соседства двух народов, поэтому имеющиеся определенные фактологические неточности не влияют на оценку труда Вихавайнена.

Прочтение книги вызывает множество вопросов, заставляет задуматься над тем, что раньше не вызывало сомнений, отдельные мысли сформулированы настолько четко, что не вызывают никаких возражений, но с некоторыми утверждениями автора невозможно согласиться. То есть историческое сочинение вызывает диаметрально противоположные чувства и мысли, и это заставляет поразмышлять о вещах, которые ранее воспринимались как вполне устоявшиеся и не требующие изучения.

В книге рассматриваются как минимум три темы: финский народ, русский народ и история их соседства. Наибольший интерес, по вполне понятным причинам, вызывают размышления автора о русском народе. В свою очередь мысли финна о нас вызвали у автора данных строк ответные мысли, которые и хотелось бы изложить ниже.

Уже несколько десятков, а может, и сотен лет в России идут споры о том, к какой части света принадлежит русский народ — Востоку или Западу. Вслед за этой дискуссией Тимо Вихавайнен относит своих соседей к восточным народам, а финнов — к западным. По его мнению, причина возникшего непонимания между соседними народами таится именно в этом. Эта мысль автором акцентируется настолько четко, что читателю ее не приходится искать в книге, в то время как другая идея — о целенаправленной политике финской культурной и властной элит, направленной на укрепление и расширение культурной и идеологической границ между Финляндией и Россией, — четко не показывается, и читателю ее придется поискать.

В свою очередь, тезис Тимо Вихавайнена о принадлежности народов к различным частям света заставляет в очередной раз задуматься о пред-

ставлениях русского народа о своем месте в мире. С XIX века длится спор между славянофилами и западниками о месте России в мире, ее принадлежности к западной или восточной цивилизации и своем уникальном пути развития. По сути, эта долгая дискуссия ничем не закончилась. В 1920-е годы на сцену вышли евразийцы, также оказавшиеся неспособными решить, кто же такие русские: западный народ или восточный, им пришлось довольствоваться тезисом о некоей промежуточной стадии.

Почему же у русских на протяжении столь долгого периода времени не получается этногеографически себя самоидентифицировать? Автор данных строк испытывал на себе влияние идей императорского периода истории России, советской идеологии, который идейно формировался в период 1990-х — начала 2000-х годов, когда переплелись множество идеологий и идей, а у государства исчез четкий идейный каркас и существующий вакуум пытались заполнить жалкими, невзрачными и бесплодными идеями. Сложившаяся за два десятилетия ситуация позволила смотреть на окружающий мир относительно свободно. Безусловно, понимание мира с таких позиций может оказаться близоруким, неполным, если не примитивным, но наряду с этим дает возможность смотреть на мир не через очки, одетые кем-то, а своими глазами.

Вначале хотелось бы отметить, что употребляемый Тимо Вихавайне-ным термин «русские» географически может быть отнесен только к центральной части европейской России, на всю остальную территорию распространять эту дефиницию некорректно. Более того, этот термин даже невозможно применить к Русскому Северу, поскольку под влиянием географического, культурно-этнического, экономического факторов произошли изменения в мировосприятии и миропонимании русского народа, проживающего на территории Русского Севера. Примером данного явления могут служить поморы, которые, являясь представителями русского народа, переселившись на Кольский полуостров, приобрели новые черты как в характере, так и в поведении. Они, в отличие от русских, проживающих в центральной части России, были более грамотны, самостоятельны, свободны.

Почему мы всегда стремимся идентифицировать себя с другими народами? Конечно, мы не принадлежим Западу — для него мы слишком большие, и нас слишком много.

Безусловно, и в нашей, и в западной культуре существуют такие понятия, как свобода, зависимость, личное пространство, уважение и т.д., но понимание этих терминов несколько различно. Так, понятие свободы в Ев-

ропе очерчено правовыми рамками и в большей степени является сферой права и политики. В России же понятие «свобода» относится к состоянию души и является более личностным. Образованная часть населения как Запада, так и России знает и понимает разницу, возникающую при раскрытии содержания этих понятий, но ни они, ни мы не сможем ее принять. Мы не сможем думать и вести себя, как они, жить по их морально-нравственным и жилищно-бытовым нормам.

Но мы в то же время и не принадлежим Востоку. У нас несколько иное сознание, оно не такое мистическое, более рациональное, чем на Востоке. В современной России само понятие «Восток» не имеет четких географических рамок. Под Востоком понимается и Китай, и Иран, но это совершенно разные страны по всем культурным, социальным и этическим параметрам. Возможно, четко не определенное территориальное пространство дефиниции «Восток» демонстрирует и общее непонимание этой части света.

По всем параметрам — политическому, экономическому, социальному, культурному — Россия будет отличаться от Запада и Востока, а они будут отличаться от нас. Но в то же время представляется, что пропасти между нами, с одной стороны, и Востоком и Западом — с другой, нет. Существует именно граница, на которой происходит взаимообмен материальной и духовной культурой.

Возможно, существование границ между народами не следует рассматривать только как разделяющий фактор. Граница служит для каждого народа сигналом, предупреждением о том, что по другую сторону живут люди, понимание мира у которых несколько отличается от нашего, поэтому необходимо быть готовым к этому и адекватно реагировать на несовпадения. В этом случае идея границы выполняет крайне важную функцию в налаживании международной коммуникации.

Тимо Вихавайнен стремится в своей книге представить образ русского человека, и это очень интересно, поскольку дает возможность посмотреть на самих себя глазами соседа, который долгое время жил в России.

Пребывание Вихавайнена в России позволило сделать ему ряд эмпирических наблюдений о характере русских. А существующая на Западе историко-географическая традиция завершила формирование представлений Тимо Вихавайнена о жителях России. Автор отмечает качество, которое в наибольшей степени бросается в глаза, — пьянство (с. 17). Правда, тут же уточняет, что такое представление было сформировано у иностранцев, путешествовавших по России, принадлежащих к высшим сословиям европейского общества. Далее указываются такие качества, как лень, лукавство

(с. 18). Наряду с этими негативными качествами также отмечается и ум российского человека, который, правда, «использовался не должным образом» (с. 18). Автор приписывает русским и другие качества, но вначале хотелось бы осмыслить уже названные.

Пьянство. Отрицать эту черту россиян не имеет смысла. Однако имеющиеся мировые статистические данные об употреблении алкоголя пальму первенства отдают далеко не России. И все же мы много употребляем алкоголя, более того, в современном российском обществе забыты правила распития спиртных напитков, которые были четко сформулированы для сельских жителей в дореволюционной России. Возможно, что причиной забвения норм и традиций питья стала модернизация российского общества, которая берет свое начало еще в первом десятилетии XX века. Нарождающаяся городская культура в первой трети XX века отвергла многие традиционные нормы, свойственные сельской России, а своих правил до сих пор не выработала. Более того, в начале XX века употреблялся в основном *низкоградусный* (квасы, настойки) алкоголь и только с первой трети XX века в культуру питья входит *высокоградусный* (водка) алкоголь.

Интересно было бы провести исследование, в какие периоды исторического развития пики употребления россиянами алкоголя возрастали и достигали максимума. Можно предположить, что увеличение норм употребления алкоголя связано с переломными периодами в российской истории, то есть употребление алкогольных напитков являлось следствием определенных социальных, культурных и экономических катаклизмов.

Представляется, что причина алкоголизма в российском обществе тесно связана с уровнем культурно-идеологического климата в стране. То есть когда государство выделяет соответствующие средства для реализации культурно-идеологических норм, определенных идей, то уровень алкоголизма в обществе снижается. В свою очередь высокий процент употребления алкоголя связан с отсутствием четких и понятных рядовому человеку культурных норм (культуры). Интересно было бы провести эмпирические исследования по этой проблеме.

Лень. К другим атрибутам российской жизни относится лень. Конечно, довольно часто нам не хочется выполнять определенную работу, производительность труда снижается. Хотя по официальным данным, начиная с 2000 года производительность труда выросла на 45 %. В трудолюбии мы уступаем как некоторым восточным, так и западным народам.

Но не преувеличена ли наша лень? Наверное, ленивый народ не смог бы провести модернизацию страны, без помощи кого-либо извне восстано-

вить из руин и перевести на новый экономический и культурный уровень развития страну после Второй мировой войны. И таких примеров можно перечислять много, когда самоотверженный труд народа позволил сохранить страну и придать ей тенденцию поступательного развития.

Но вместе с этим бывали времена, когда российский народ не просто не хотел работать, но делал все, чтобы от работы уйти. Например, сейчас в большинстве случаев происходит определенная демонстрация работы, но деятельность как таковая отсутствует. Примерно год назад автор данных строк услышал передачу по радио (к сожалению, автора и названия передачи не удалось узнать), с высказываем ведущего которой мы полностью согласны: «В современной России власть делает вид, что управляет, а народ делает вид, что работает» — это высказывание, как бы оно ни резало слух, абсолютно точно характеризует ситуацию в России. Конечно, движение есть, но оно не столь значительно, и его вектор практически никому не понятен. При таких условиях даже «последний» трудоголик опускает руки.

Возможно, причина цикличности в желании работать и «приступах» общенародной лени связана с отсутствием у российского народа четких представлений о значении его работы для общества и будущего. В свою очередь, эти культурно-идеологические нормы всегда вырабатывало или не вырабатывало государство.

До настоящего времени идеологические, культурные основы российского общества всегда создавало государство. Кризис государственности приводит к общему кризису общества, поэтому сейчас главная задача для страны заключается в том, чтобы формирование определенной части идеологических и культурных норм взяло на себя общество. Возможно, при таких условиях возникающие кризисы государственности и власти будут для России не столь болезненны.

Российский социум должен научиться отвечать за себя и свои поступки, чего ранее в истории России еще не было. Нам не хватает самоорганизации, самоуважения и ответственности за свои поступки и за свое будущее. Мы очень долго, а вернее всегда, основы своей жизни доверяли государству, что приводило как к великим достижениям, так и к не менее жестким кризисам.

Наша страна уже насколько десятков лет относится к так называемой городской цивилизации, но мы до сих пор не выработали своих нравственно-культурных и идеологических норм для этого типа общественного устройства. В начале XX века российский народ отошел от традиционных ценностей сельской, крестьянской цивилизации и не выработал новых тра-

диций, что влечет за собой и существующие кризисы, и постоянный поиск своего места в семье народов.

У русского народа существует способность, которая позволила ему создать империю, — он впитывает в себя культурные, этнические и моральные нормы соседних народов, воспринимает и перерабатывает их. Следует отметить, что данное свойство характерно далеко не для каждого народа, живущего на планете Земля. Это позволяет выступать русскому народу в качестве фундамента большого прекрасного здания, которое именовалось Российской империей, СССР, а затем Россией.

Можно согласиться с утверждениями этнографов, что русский народ, не завершив своего формирования, распространился на другие территории, что не позволило ему закончить свое формирование. Это, в свою очередь, приводит к проблеме самоидентификации. Но, возможно, именно это позволяет русским объединять другие этносы. Мы относительно безболезненно впитываем их культурно-этнические стереотипы, изменяемся вместе с ними. Как было отмечено выше, при сравнении русских, проживающих в центральной европейской части России, с русскими, расселившимися на Севере и в Сибири, понимание и восприятие мира у них окажутся разными.

Россию иногда считают закрытой страной. Быть может, это и так, но только отчасти. Тимо Вихавайнен отмечает, что «до Петра Великого Московская Русь была закрытой страной, которая верила, что является единственной представительницей чистой христианской веры, не признавала крещения католиков и протестантов... В России считали иностранцев или немцев “нечистыми”, их право передвижения было ограниченным. В Москве они жили в собственном “гетто”, в Немецкой слободе. ...Русские свободно не могли выезжать в другие страны, в которых, как они считали, научиться было нечему, за исключением ереси и пагубных обычаев...» (с. 23).

Утверждения Тимо Вихавайнена о том, что Россия до Петра не имела связей с Западом, возможно, основываются на преобладающих взглядах в современной Европе на эту проблему. Однако и до «Великого посольства» и прочих деяний Петра Алексеевича дипломатические и культурные контакты с европейскими державами существовали. Более того, именно эти контакты отчасти и подготовили те реформы, которые осуществил Петр I. Конечно, в период правления Петра I и при его преемниках связи России и Европы стали более тесными и интенсивными.

Тема чистоты веры, представления, что своя вера является правильной, были не только у народов России, в это верили и католики, и протестанты,

и иудеи. И те и другие снисходительно, если не враждебно, относились к религиозным взглядам представителей других конфессий.

Право передвижения иностранцев в России было ограничено, существовала и Немецкая слобода, которую Тимо Вихавайнен называет некорректно «гетто». Понимается, что этот термин характеризует несколько иные условия проживания людей, которые ни при каких обстоятельствах нельзя отнести к пребыванию иностранцев в Немецкой слободе.

Справедливости ради следует отметить, что во всех европейских странах передвижение иностранцев, как в Средние века, так и Новое время, было ограничено и Россия не являлась в этом отношении исключением.

Основываясь на имеющихся работах, Тимо Вихавайнен объясняет существование границы между Россией и Финляндией религиозным фактором: «Некоторые исследователи отмечали, что именно вера наиболее эффективно разделяла народы в культурном отношении» (с. 23). Но в XIX веке, как он считает, религиозный фактор постепенно вытесняется национальной идентичностью (с. 26).

Однако здесь следует возразить. Россия с конца XVII века не представляла гомогенного в религиозном отношении национального государства, она всегда существовала как многоконфессиональное и многонациональное государство. В нем переплетались мусульманство и христианство, мусульманство и иудаизм и т.д., соприкасались и перемешивались множество народов. Ни религия, ни национальная идентичность не приводили к отчужденности между народами России и русскими.

В чем же причина возникновения границы между Финляндией и Россией? Может быть, она заключалась в нежелании части национальной финской элиты идти на сближение? И религиозная, и национальная карты использовались в этой политической игре. В принципе эту точку зрения разделяет и сам Тимо Вихавайнен: «Отношение к России определялось чистой политикой» (с. 34).

Совершенный автором исторический экскурс в историю Финляндии конца XIX — начала XX века показывает, как вели себя некоторые представители финского народа по отношению к России, насколько была закрыта Финляндия изнутри для русских. И это притом что Финляндия являлась частью империи, предоставившей финнам возможности и права, которые добровольно не решалась предоставить ни одна метрополия в мире.

Удивляет другое — трепетное отношение финнов к шведскому государству. И это в книге Тимо Вихавайнена показано очень хорошо. При этом сами шведы, если российские историки ничего не перепутали, относились

к финнам крайне плохо. Эта тема может послужить сюжетом для новой книги.

Представляется, что граница будет существовать до тех пор, пока политическая и культурная элита Финляндии этого желает. И данная логика финской элиты понятна. Она прежде всего диктовалась страхом перед колоссальным опытом России по «унификации» различных народов и культур.

Но действительно ли все проживающие в России народы подводились властью к единому знаменателю, теряли свою самобытность? Более чем спорно. Исторический опыт показывает, что такого стремления российская власть никогда не проявляла. Самой главной для нее была лояльность присоединенного народа к центральной власти, преданность монархии. Утрата же вошедшим в состав России народом своих традиций, как правило, обуславливалась объективными причинами.

Конечно, были периоды, когда власть прибегала к политике русификации, но она, как правило, была кратковременной, и ее логика состояла в создании более универсальных механизмов и способов управления регионами. Цели лишить тот или иной народ своей национальной культуры и традиций не ставилось. Возможно, страх финской стороны был намеренно преувеличен и основывался именно на политической «выгодности» мифа о России.

Как отмечает Вихавайнен, для некоторой части финского дворянства XIX века «отторжение русского духа» прослеживалось в меньшей степени, «Россия была для образованных финнов соблазном, искушением» (с. 32). Очевидно, что более позитивное значение России для Финляндии было присуще именно той категории людей, которая смогла преодолеть мифологизированное представление о России и благодаря этой рациональной позиции увидела перспективы сотрудничества.

Действительно, у России всегда был огромный потенциал. Но, несмотря на это, развитие России всегда шло неровно, уровень и качество жизни находились на относительно невысоких позициях. Нет уверенного поступательного движения, всегда существовали проблемы, которые подводили государство и народ к катастрофе, и для выхода из этого положения требовалось колоссальное напряжение ресурсов. В чем причина этого парадокса?

Возможно, такой неровный и непостоянный характер развития заключается именно в масштабах ресурсов — они велики, и жители России до сих пор не научились грамотно использовать их (а лучше употребить глагол «работать», именно работать с ресурсами).

Представляется, что определенная часть российской политической элиты в стремлении сделать в России все по образцу западных государств за-

бывает, что Россия может существовать как большая и многонациональная империя, разумеется, со всеми вытекающими из этого формами управления и правления. Как однопациональное и территориально уменьшенное государство Россия не сможет существовать.

Россия — это империя. За 20 лет после распада СССР практически все слои населения, возможно, кроме маргинальных, стеснялись это признать и всячески от этого отреклись. Как высшие эшелоны власти, так и интеллектуальная элита при общении с западными СМИ стремились подчеркнуть, что Россия отказалась от империи, прошлый имперский период вроде бы был неверен и теперь мы обычное государство, без каких-либо имперских амбиций. Более того, государства, которые ранее являлись составной частью Российской или советской империи, при каждом удобном случае стремились напомнить современной России об этом «темном периоде» ее истории. И представители российской власти и культурны были склонны поддерживать эту идею.

Но, возможно, сейчас пришло время отойти от парадигмы, что период империи — жуткое время нашей истории. Безусловно, там были ошибки, и их надо признать. Но самого факта, что мы были империей, не следует стесняться и извиняться за него. Быть может, уместнее гордиться тем, что мы были империей. Россия смогла объединить множество народов и поднять их культуру и экономику на более высокий уровень.

Россия не была демократичной по форме правления, но по своему духу народ, населяющий ее, намного свободнее, чем народы Запада.

Дух империи всегда будет оказывать на Россию и ее население двойное влияние. С одной стороны, для поддержания созданной империи необходимы человеческие и экономические ресурсы, поэтому уровень жизни населения в силу этого никогда не поднимется на значительные высоты. В то же время, для того чтобы существовала империя, одних крепостных крестьян недостаточно, нужны люди, которые думают свободно, способные бросить вызов власти. Именно они не дают империи умереть, питают ее, придают импульс и направление движения. То есть империя объединяла два состояния — свободу и зависимость. Свобода человеческого духа нужна для определения задач империи и направления ее движения, а зависимость населения страны перед властью, причем подчас довольно жесткая, — для достижения обозначенных задач.

При этом государства, которые живут рядом с Российской империей, должны осознавать, что она может им дать очень многое. А может, совсем того не желая, отобрать все. По этому поводу хорошо написал Тимо Виха-

вайнен: «... тот, кто спит рядом со слоном, вынужден все время быть начеку и реагировать каждый раз, когда слон переворачивается на бок — вне зависимости от того, является ли данный слон существом симпатичным или нет» (с. 64).

И возможно, сейчас, когда идет поиск государственной и народной самоидентификации, определенные идеи, которые были заложены под фундамент имперской идеологии, необходимо вернуть. И в конце концов сказать себе и всему миру, что Россия может быть только империей и никаким другим государством-городом.

Интересная мысль была высказана Тимо Вихавайненом про российскую интеллигенцию: «Российская интеллигенция... которая провозгласила культ мятежа...» (с. 50). И действительно наша интеллигенция всегда, как в дореволюционный период, так и в советский, в большинстве своем была настроена против власти, она, надо отметить не без основания, стремилась противостоять власти и разрушить то, что было создано последней. Но, к сожалению, кроме разрушения, наша интеллигенция ничего не может. Она не может создавать, творить. И наиболее яркий из последних примеров — это крах СССР. Разумеется, не интеллигенция его разрушила, но ее использовали, как таран, против Советского государства. Разрушив его, она не смогла выработать идей, необходимые для строительства государства и общества, она самоустранилась, чтобы созерцать происходящее.

Весьма интересно об интеллигенции высказывается Тимо Вихавайнен: «Для несчастной российской интеллигенции, намерения которой были самыми лучшими, окончательным итогом, каковой представлялся еще в начале 2000-х годов, была катастрофа. Так что вся интеллигенция просто исчезла с полотна. Многие писатели заявляли, что она умерла. В “нормальных” государствах, каковым теперь была Россия, уже не требовалась интеллигенция, которая размышляла бы и страдала за народ. В России были теперь только “интеллектуалы”, как на Западе, и им снова было разрешено критиковать все, включая народ. Правда, в России выходят еще так называемые “толстые журналы”, в которых интеллигенция время от времени рассуждает и дискутирует. Политическая оппозиция существует, и в некоторых газетах интеллигенты пишут даже еще более неподкупно, чем прежде. Отличие только в том, что их не хотят слушать. Россия 2010-х годов — еще более мешанская страна, удовлетворенность которой собой ничто не поколеблет. Все же интересные критические идеи интеллигенции никто с воодушевлением не разделяет» (с. 182–182).

Книга Тимо Вихавайнена крайне интересная и довольно спорная, но она позволяет взглянуть на проблемы российского общества и российского исторического пути развития с несколько иных позиций.

Автор данных строк приносит свои извинения читателю за то, что данная рецензия четко не структурирована. Не завершив раскрытие одной мысли, автор переключается на другую, через несколько страниц вновь возвращается к ней. Возможно, это несколько затрудняет понимание текста, но в этом, собственно, и отражается определенная часть русского культурного кода: не закончив одного дела, мы переходим к другому, потом вновь возвращаемся к нему, в отличие от европейцев, у нас недостаточно развита системность мышления. Но ведь и в этом есть определенная изюминка. Не правда ли?